ТЕКСТ ДИЛЕТАНТА VS НЕОДНОРОДНОСТЬ МАССОВОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. В. Орлова, В. А. Костина

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Введение. Дилетантский текст представляет собой заметное явление современной массовой (не элитарной) речевой культуры. К факторам, обеспечивающим продвижение данного типа текстов в СМИ, относятся приоритет гедонистической функции в ущерб познавательной, а также интерес социума к публичной личности, которой институт медиа предоставляет возможность высказываться по вопросам, не связанным с полученным образованием и профессией.

Цель – исследование восприятия дилетантского текста (его содержание и формы) разными группами реципиентов. Проблематика исследования направлена на выявление неоднородности массовой речевой культуры через сопоставление оценочных позиций разных адресатов одного текста.

Материал и методы. Как образец дилетантского текста использован текст главного редактора глянцевого журнала, который подчеркнуто дистанцируется от специалистов в обсуждаемой им области знания (филологии). На основе семантико-стилистического метода анализируется речевой материал, полученный в психолингвистическом эксперименте, т. е. вторичные тексты-реакции. Реципиенты поделены на три группы: неспециалисты от 18 до 44 лет; неспециалисты от 50 до 62 лет; студенты, обучающиеся по направлению «Филология».

Результаты исследования. Установлено, что текст транслирует относительно достоверную информацию (научное и околonaучное знание, лингвистический миф), содержит фактические ошибки. Экспериментальное исследование оценочных реакций на текст показывает, что транслируемые текстом сведения некритично воспринимаются значительной частью реципиентов. Отношение к дилетанту как социальному типу у неспециалистов зависит от возраста: молодые участники эксперимента относятся к нему более лояльно, чем реципиенты старшей группы. Студенты, освоившие в теории и на практике обсуждаемую проблему, высказываются о суждениях дилетанта резко негативно. Оценки речевых особенностей текста коррелируют с оценками содержания. Младшая группа одобряет юмор, доступность, «легкость», с которой подается информация; старшая группа отмечает в тексте речевую агрессию, нарушение этических норм. Филологи в своих оценках речевой манеры автора ближе к старшей группе, то есть консервативнее своих сверстников.

Научная новизна и практическая значимость. В лингвистический оборот вводится понятие дилетантского текста и его автора; уточняются условия, обуславливающие выдвижение фигуры дилетанта как субъекта массовой коммуникации; на основе отношения к дилетантскому тексту обосновывается наличие поколенческих вариантов массовой речевой культуры.

Заключение. Оценочные реакции на одну из разновидностей современной массовой культуры – дилетантский текст – позволяют говорить о неоднородности этой культуры, а именно о существовании старшей и младшей коммуникативной нормы. Позиции младшей нормы в массовой речевой культуре являются более сильными. Этот вывод сделан на основании того, что речевые особенности исходного текста, получившие у реципиентов младшей группы одобрение, а реципиентов старшей – неодобрение, рассматриваются в современной стилистике как наиболее яркие черты прессы в целом.

Ключевые слова: *массовая речевая культура, текст дилетанта, восприятие текста, оценка текста, младшая коммуникативная норма, старшая коммуникативная норма.*

Введение

Феномен «массовой речевой культуры», которую в самом общем виде можно трактовать как неэлитарную, обусловлен некоторыми центристскими тенденциями. К ним относятся, например, интердискурсивность, «игровизация» институционального общения и др. [1]. С другой стороны, массовая речевая культура представляет собой неоднородное явление. Сохраняются различия по типам ее носителей за пределами «полнофункционального», которые обусловлены комплексом социально-речевых признаков, описанным на рубеже XX и XXI вв. В. Е. Гольдиным и О. Б. Сиротининой [2, 3]. Массовый характер приобретают полярные стилевые процессы: усиление книжно-

сти и эскалация разговорной стихии. Уже в нулевых годах нынешнего века В. Г. Костомаров пишет об «отходе от общелитературного языка» в официальной речи и смешении остальных стилей с доминирующей установкой на разговорность [4]. Немного раньше проявляется специфика в речевой культуре поколений: молодежь легко усваивает англоязычные неологизмы, но из ее лексикона уходят слова из активного лексикона старших, отмечают межпоколенческие разрывы в составе прецедентных феноменов [5, 6], форм и каналов общения [7, 8].

В этом контексте не лишен смысла вопрос о том, как выглядит галерея типичных текстов массовой культуры. В статье мы обратим внимание на

один из «портретов» этой галереи – дилетантский текст, функционирующий в средствах массовой коммуникации. СМИ являются одной из институциональных площадок массовой речевой культуры, где спрос порождает предложение, то есть тексты пишутся в расчете на познавательные и речевые вкусы ее (массовой культуры) носителей. Согласно толковому словарю, дилетант – это человек, который «занимается чем-либо, не имея специальной подготовки, систематических знаний; любитель» [9]. Существует ряд факторов, актуализирующих дилетанта как социально-коммуникативный тип в разных сферах жизни: новые возможности личностного развития в разных направлениях, открытое образование, производство и мгновенное распространение текстов в Интернете и др. Как пишет Л. С. Щенникова, «в наше время дилетантизм стал претендовать на признание самой широкой аудитории и начал агрессивное (и весьма успешное) продвижение в культурное пространство» [10, с. 14].

Если говорить о нехудожественных дискурсах, то дилетантизм чреват вбрасыванием в массовую коммуникацию недостоверной информации. Специалистами уже замечено, что в современных СМИ имеет место «разная степень уверенности говорящего в достоверности его мысли о действительности» [11, с. 67]. В этой ситуации интересно выяснить, какие обстоятельства способствуют «относительной достоверности» в конкретных случаях, насколько обычным делом является введение в заблуждение тех, кто не может оценить истинность/ложность сведений. Можно выделить два социальных типа дилетантов, заявляющих о себе в массмедиа. Во-первых, это непубличные люди, которые благодаря современным технологиям могут предъявить широкому адресату прозаические и поэтические речевые произведения (тексты на порталах «Проза. Ру», «Стихи. Ру» и др.), а также высказать мнение в разных областях жизни – в сфере политики, экономики, спорта, гастрономии и т. д. (комментарии на сайтах и форумах). Во-вторых, это публичные персоны, которым в силу интереса к ним общества предоставляется возможность высказаться по вопросам, не связанным с их профессией («рецепт от звезды»). Одну из таких возможностей предоставляет формат колонки редактора, в котором ее автор достаточно свободен в выборе темы и может говорить о специальных предметах исходя из своих представлений о нем.

Целью статьи является исследование восприятия и оценки реципиентами конкретного текста, автор которого в явной форме противопоставляет себя специалистам в той области знания, которой посвящен текст. В оценочных реакциях реципиентов с разными социальными признаками нас инте-

ресуют два момента: с одной стороны, отношение к фигуре дилетанта и оценка достоверности его сообщения, с другой – отношение к стилистическим особенностям дилетантского текста. Содержание и форма текста всегда взаимосвязаны, предположительно взаимосвязанными будут являться и оценки того и другого. Исходя из гипотезы о неоднородности массовой речевой культуры, мы попытаемся выявить ее, обратившись к разным реципиентам одного текста.

Материал и методы

В качестве дилетантского текста использовано «Письмо главного редактора» журнала «МАХИМ» Александра Маленкова, размещенное на сайте журнала, имеющее название «*Розенталь мертв, а мы еще нет!*» и подзаголовок *Свежий, незамутненный взгляд нашего главреда на Великий и Могучий, Прекрасный и Свободный (или, как его сокращал Аксенов, ВМПС) русский язык* [12]. Пафос текста, выдержанного в саркастической тональности, направлен против филологов, которые, по мнению автора, устанавливают ничем не оправданные правила правописания и ударения. Себя Александр Маленков позиционирует как *прикладного математика, «самозванца» с физико-математическим образованием*.

Материалом исследования являются вторичные тексты-реакции, полученные в эксперименте. Испытуемые поделены на три группы: 20 респондентов (мужчин и женщин) от 18 до 44 лет, не имеющих филологического образования; 20 респондентов (мужчин и женщин) от 50 до 62 лет, не имеющих филологического образования; 10 студентов-филологов (женщин) в возрасте от 20 до 27 лет. Неспециалистам задавался вопрос: что Вам понравилось и что не понравилось в тексте? Студентам-филологам было дано учебное задание «Написать эссе по тексту А. Маленкова с позиции эксперта» в рамках курса стилистики и культуры речи. По данным культурологов, целевыми адресатами глянцевого журналов являются молодые люди и люди среднего возраста: от 19 до 27 – 35 %; от 28 до 36 – 45 %, от 37 до 45 – 12% [13]. Если говорить о первых двух группах, то младшую, с оговоркой по поводу пола, можно отнести к целевой аудитории. Хотя журнал «МАХИМ» является гендерно дифференцированным, гендерно нейтральная тематика статьи и задачи исследования позволили абстрагироваться от этого признака реципиентов.

Результаты и обсуждение

1. Реципиенты о достоверности информации и ее отправителе – дилетанте

При решении задачи о степени доверия к суждениям дилетанта в зону интереса автоматически

Таблица 1

Степень доверия к дилетанту и передаваемой им информации, %

№	Смысловая зона	Нефилологи		Филологи, 20–27 лет
		18–44 года	50–62 года	
1	Некритичное восприятие недостоверной информации	50	50	0
2	Недоверие к персоне дилетанта	10	25	70
3	Опровержение, контраргументация	40	25	90
4	Согласие с достоверной информацией исходного текста	30	10	10

попадает вопрос о достоверности информации, которую дилетант транслирует адресату. В исходном тексте присутствуют элементы научного знания о языковой норме, лингвистическая мифология, околону научная информация, достоверные и недостоверные фактические сведения. Корректно понимается сущность кодификации как деятельности по регистрации и узаконению нормы: *Язык – вещь живая, гибкая, и задача филологов – следить за его изменениями и отражать их в своих как бы правилах*; фиксируются случаи кодификации действительно редких в узусе вариантов (*ворожеся*). К околону научным сведениям относятся отсылки к «народу», «носителю языка» (без уточнения вопроса об авторитетных в культурно-языковом отношении социальных группах) и о самом себе как социальном типе, речевые привычки которого должны определять, как следует говорить: *Я не иностранец, не носитель редкого наречия, родился и живу, простите, в столице русскоязычного мира и даже не на окраине*. Объективно субъект речи не является носителем элитарной речевой культуры, предполагающей речевой самоконтроль. Текст содержит несколько фактических ошибок из области филологического знания. Так, слово «правдивый» в цитате из Тургенева, на основе которой составлен акроним Аксенова, заменено на «прекрасный»; в одном случае смешаны термины «орфография» и «орфоэпия»; часть акцентологических вариантов, которые выдаются за навязываемые филологами, не поддерживаются современными орфоэпическими словарями (см. только *деньгáх* в [14]) или признаются одним из допустимых (см. *сре́дам* и *сре́дам* о дне недели [14]). К лингвистической мифологии относится тезис автора «филологи придумывают правила языка»: *Собирается кучка жрецов и решает: отныне да будет так!* Таким образом, читателю предъявляется частично достоверная информация.

Для ответа на вопрос, насколько респонденты доверяют суждениям человека, заявившего о себе как о дилетанте, вторичные тексты исследовались на наличие четырех смысловых зон: (1) некритичное восприятие мифа о том, что филологи придумывают правила языка, и/или солидарность с околону научной информацией исходного текста; (2) недоверие к информации на том основании, что ее отправитель – не специалист; (3) недоверие к информации на другом основании (опровержение, контраргументация); (4) вычленение в исходном тексте научно достоверной информации и выражение согласия с автором.

Данный вопрос решался для каждой из трех групп отдельно. Результаты отражены в таб. 1.

Как показано в табл. 1, в обеих группах нефилологов половина реципиентов некритична к мифу и другой некорректной или не вполне корректной (околону научной) информации (50 и 50 %). Данную позицию (номер смысловой зоны – 1-й) иллюстрируют следующие примеры:

(1) ...*никогда не смирюсь со словом «апостроф», извините, но это слово филологам я простить не могу* (м., 19 лет); (1) *Пусть лучшие филологи обратят свое внимание на недостаток слов в русском языке! Совсем недавно я назвал детеныша пумы пуменком, так на меня вылился шквал негатива, типа «Так не говорят!», «Какой ты безграмотный!» и т. д. А все-таки, чем пуменок хуже львенка, теленка, тигренка?! А ведь еще есть куча животных, детеныши которых без названия... Так в чем же дело, филологи???* (м., 22 года); (1) *Не понятно, кто придумывает такие правила ударения, способные даже рассмешить* (м., 41 год); *Возможно, будучи сам обладателем технического образования, разделяю точку зрения автора по поводу разного рода несуразностей в нашем языке. Все вокруг меняется, мир становится иным. Почему языку отказано в переменах, в гибкости – не понятно* (м., 62); (1) *Я согласна с автором, что можно запутаться в правильных ударениях* (ж., 60).

В то же время реакции респондентов разных возрастных групп имеют специфику.

Младшие респонденты в целом лояльнее к дилетанту как носителю информации, чем старшие. Респонденты младшей группы реже критикуют самого журналиста (2-я смысловая зона – 10 %), чем спорят с его суждениями (3-я смысловая зона – 40 %); почти треть считает необходимым поддержать автора там, где он приводит научно достоверную информацию (4-я смысловая зона – 30 %). Рассмотрим примеры реакций реципиентов этой группы:

(2) ...*но как подобает все людям с математическим, физическим и в целом техническим образо-*

ванием, он стремится залезть со своим уставом в чужой монастырь (ж., 25 лет); (3) Люди не говорят, согласно правилам. Это правила пишутся в соответствии с тем, как говорят люди (ж., 27 лет); Когда каждый начнет свободно менять ударения в словах, начнется настоящая «анархия»! наличие этих правил показывает, что язык устойчив (м., 19 лет); (4) Я согласна с тем, что язык – это, своего рода, живой организм, который зарождается, развивается, проходит определенные этапы и в некоторых случаях умирает (ж., 26 лет).

Старшие реципиенты чаще, чем младшие, связывают некорректность суждений с личностью автора, отсутствием у него специального образования (2-я смысловая зона – 25 %). Контраргументация у них встречается реже, чем у реципиентов младшей группы (3-я смысловая зона – 25 %). Только 10 % старших реципиентов (см. смысловую зону 4-ю) выразили солидарность с безусловно верным суждением о том, что «язык – вещь живая, гибкая, и задача филологов – следить за его изменениями...».

(2) ...просто видно, как он эти самые правила русского языка «то понюхает, то полижет, то к темени прижмет, то их на хвост нанижет». Понятно, почему он так делает: соединение фотографий антропологически безупречных молодых женщин и хорошей полиграфии приносит ему гораздо больше денег, чем заморочки с выбором между «-тя» и «-ться». Да «-ца», родной, не парься!; (3) Более же всего поразил экскурс в социализм – отсылка к народу! Тому, который носитель языка и который употребляет. Что он только не употребляет, в том числе язык... Равнение на народ! И тогда, вполне возможно, не обманувшись в своих ожиданиях, товарищ Маленков провозгласит: Дашь шансон вместо литературного русского!; (4) Автор прав: сейчас язык не такой, как даже еще недавно (м., 58 лет).

Реакции студентов-филологов наиболее негативны; возможно, это объясняется тем, что данная группа персонально «задета» журналистом. Большинство студентов-филологов отреагировали на статус пишущего (1-я смысловая зона – 70 %), привели аргументы, опровергающие мифологический тезис, заметили неверное употребление термина и нашли в тексте фактические ошибки (2-я смысловая зона – 90 %):

(1) Это выглядит примерно так, как если бы я – студентка филфака – пришла в больницу и начала бы указывать врачам, как следует лечить людей, апеллируя доводами «да все так лечатся», «мне эти таблетки нравятся больше» и прочее в подобном роде... (ж., 20 лет); (2) Любой ученый только наблюдает за своим объектом изучения и, исходя из своих наблюдений, выстраивает теории (ж., 21

год); (2) Да, именно в орфоэпическом, а не в орфографическом, как пишет автор (ж., 21 год); Варианты ударения в слове «по средам»/«по средам» стали равноправными (см. словарь более позднего года выпуска, и будет Вам счастье) (ж., 20 лет).

Итак, суждения «от дилетанта», соединяющие научное, околонучное знание, содержащие фактические ошибки, транслирующие лингвистический миф, некритично воспринимаются половиной неспециалистов, познакомившихся с ним в экспериментальных условиях. Полагаем, что в ситуации реального функционирования текста доля введенных в заблуждение адресатов была бы еще выше. Мощным фактором некритичного восприятия информации на специальную тему является формат «глянца», который нацелен на развлекательность, «уничтожение свободного времени», формирование ведущих к успеху стандартов поведения, а не на реализацию гносеологической функции [13]. См. довольно точное замечание на эту тему у представителя целевой аудитории: *Опубликовано данное умозаключение на онлайн-страницах журнала MAXIM, делать пояснения, что это за журнал не вижу смысла, но могу сказать, что искать в нем хоть какую-то, претендующую на действительно интеллектуальность и научность, информацию без приставки псевдо, все равно что искать профессионализм и талант интервьюЕра в передачах Юрия Дудя* (м., 28 лет) (заметим, что аналогия с журналистским творчеством Ю. Дудя является субъективным мнением реципиента, к которому не относится наша оценка его рассуждения в целом. – Н. О., В. К.).

2. Реципиенты о речевых особенностях текста

При сравнении восприятия речевых особенностей текста реципиентами разных групп мы исходили из предположения о том, что для младшей возрастной группы они окажутся более приемлемыми. (Предположение основано на сведениях о возрасте целевого адресата глянцевого журналов, см. выше.) Характеризуя текст в данном аспекте, выделим три наиболее ярких свойства. Во-первых, в тексте выражена установка на разговорность: автор использует вопросно-ответные конструкции; апеллирует к читателю, сталкивает разговорную и книжную лексику (*бам! нате вам!; эстетическая составляющая; друзья мои; Но ударения! Вы давно читали орфографический словарь?*). Во-вторых, он в значительной степени интертекстуален, насыщен прецедентными феноменами в диапазоне от классической литературы до рок-текстов и мемов. См. отсылки к В. Аксенову и опосредованно к И. С. Тургеневу (ВМПС); к тексту песни Б. Гребенщикова о рок-н-ролле (*Розенталь мертв, а мы еще нет!*), к прецедентной ситуации «речь Ленина на броневике» (...они залезают на броневик и провозглашают: «Значит, так! «Стекланный» пишется

с двумя «н», а «серебряный» – с одним!) к мему Карл (*Предвосхитить, Карл!*), высказыванию американского писателя Генри Торо. В-третьих, в нем есть отступления от этических норм коммуникации, речевая агрессия. Данные качества текста проявляются в общей саркастической тональности, уничижительных метафорах, сниженной лексике и ненормативной фразеологии, трансформации фамилии известного лингвиста (*секта гуманитариев; кучка жрецов; «Слышь ты, Розенталь-Хренинталь! Или кто там у вас главный? Харэ меня поправлять! Засуньте свой апостроф себе в жерло!*).

Вторичные тексты исследовались на наличие следующих типов реакции: (1) общая позитивная оценка формы подачи информации; (2) общая негативная оценка формы подачи информации; (3) общие оценки формы подачи информации отсутствуют или амбивалентны; (4) неодобрение речевой агрессии, неодобрение нарушения этических норм; (5) речевая агрессия, нарушения этических норм не замечаются. Результаты анализа отражены в табл. 2.

Таблица 2

Оценка реципиентами культурно-речевых свойств текста

№	Типы реакции	Нефилологи		Филологи, 20–27 лет
		18–44 года	50–62 года	
1	Общая позитивная оценка формы подачи информации	30	0	10
2	Общая негативная оценка формы подачи информации	20	10	20
3	Общие оценки формы подачи информации отсутствуют или амбивалентны	50	90	70
4	Неодобрение речевой агрессии и нарушения этических норм	10	40	40
5	Реакция на речевую агрессию, нарушение этических норм отсутствует	90	60	60

Зафиксирован довольно высокий процент отсутствия общих оценок формы подачи информации во всех группах реципиентов (соответственно, 50, 90 и 70 % по 3-му типу реакции). Можно предположить, что филологи сосредоточились на содержании, так как им было предложено выступить экспертами текста в рамках курса культуры речи; нефилологи отмечали конкретные достоинства и недостатки речевой манеры автора.

Различия между младшей и старшей группами реципиентов-нефилологов наиболее заметны в типах реакции (4) и (5). В младшей группе речевая агрессия текста не замечается, о нарушениях этических норм говорится некатегорично или косвенно (4-й тип реакции – 10 %; 5-й тип реакции – 90 %): (4) *Я понимаю – междисциплинарность и трансцендентальность, но это больше на наглость похоже!* (ж., 25 лет); *Не понравилось: мысль текста достаточно заезжена, однако автор статьи не раз подчеркивает свою «индивидуальность».* Что это «свежий взгляд» (ж., 18 лет). Среди реципиентов старшей группы реакции по 4-му типу, напротив, достаточно частотны (40 %), определены, разнообразны: (4) *Удивительное в своей наглости и беспредельном самомнении выступление закомплексованного мужчинки, который «часто в виде кокетства козыряет своим техническим образованием»... И продолжай путать «гражданско-лингвистическую позицию» с позой* (м., 60 лет); *Возможно, пятнадцать лет в журналистике делают из человека самоуверенного хама* (м., 56 лет); *А еще в тексте как-то подозрительно много «Я».* Но это вопрос к психологу (м., 62 года).

Общая позитивная оценка манеры письма представлена только в группе младших нефилологов (1-й тип реакции 30 %, при том, что в старшей группе подобных реакций нет вообще). Реципиенты одобряют в статье юмор, занимательность, легкость для восприятия: (1) *Сама статья написана довольно легким в восприятии языком и читается легко, доля юмора, безусловно, не лишняя в размышлениях на тему, которую затрагивает автор* (ж., 26 лет); (1) *Автор текста, безусловно, талантливый журналист* (ж., 25 лет); (1) *Статья, безусловно, интересная, а в некоторых моментах очень даже забавная* (м., 19 лет). Часть негативных оценок возникает из-за того, что реципиенты не прочитывают интертекст и прецеденты. Отсюда недоумение и упреки в нелогичности: (2) *мысль скачет, как блоха на собаке: тут вам и броневики, и мертвый Розенталь, и комик с «ударным» юмором, собирающий стадионы* (ж., 27 лет); (2) *«Розенталь мертв, а мы еще нет!» Странное название* (ж., 44 года).

Филологи как и респонденты-неспециалисты старшей группы, отреагировали на нарушение этических норм и речевую агрессию (4-й тип реакции – 40 %). Оценки по данному параметру выражены с разной степенью прямоты и экспрессивности: *Наша речь не предполагает уважения к собеседнику* (ж., 20 лет); *Кричать на всю страну о том, чего ты не знаешь и знать не можешь – это уже, простите, преступление и пошлость* (ж., 27 лет); (4) *«Розенталь-Хренинталь!» (последнее я считаю невежливым и даже пошлым)* (ж., 20 лет).

Таким образом, реципиенты от 18 до 44 лет, целевые по возрастному критерию читатели журнала (и следовательно, исходного текста), в нашем эксперименте достаточно лояльны к авторскому стилю. Чуть менее трети их представителей в эксперименте отмечают юмор, легкость, развлекательность (*забавно*) как достоинства текста. Этическая составляющая оценки проигнорирована большинством из этой группы. Старшая группа реципиентов, не относящаяся к целевой аудитории, более критична к тексту, главным образом из-за речевой агрессии и нарушения этических норм. Студенты-филологи, чье чувство языка развивается в процессе обучения несколько иначе, чем у их ровесников, по совокупности реакций ближе к старшей группе. Они в той же степени, как реципиенты от 50 до 62 лет, замечают этические изъяны текста.

Существенно, что о выделенных нами стилистических свойствах исходного текста в научной литературе говорится как об общих тенденциях, безотносительно к тематике публикаций и возрасту целевой аудитории. Так, исследователи указывают, что для современной прессы характерны стилистическая контаминация и разговорность как «риторическая стратегия» [15, с. 25]; «абсорбция» чужих текстов и, в частности, – насыщенность прецедентными высказываниями [15]; нарушение этических норм и разные формы речевой агрессии [15–17].

Заключение

Одним из знаковых феноменов массовой речевой культуры является дилетантский текст, функционирующий в СМИ. Благоприятной средой бытования такого текста является развлекательный дискурс, не предъявляющий строгих требований к достоверности информации, в том числе на специальные, научные темы. Для публичного человека возможность рассуждать о вопросах, которые ему

интересны, но в которых он не является специалистом, предоставляет формат глянцевого журнала и жанр авторской колонки (колонки редактора или как в проведенном исследовании «Письма главного редактора»). Дилетантский текст сочетает достоверную информацию с недостоверной, которая не воспринимается критически значительной частью участников коммуникации.

Фигура дилетанта неодинаково оценивается людьми разных возрастов. В эксперименте с младшей (от 18 до 44 лет) и старшей (от 50 до 62 лет) группами реципиентов выяснилось, что первые более лояльны к данному социальному типу, чем вторые. С нашей точки зрения, причиной этого является изменение социокультурных и технологических условий получения информации и получения образования, изменение практик личностного и карьерного роста.

Оценки реципиентами культурно-речевых особенностей «Письма главного редактора» коррелируют с оценками содержания и позволяют предположить сосуществование в массовой речевой культуре старшей и младшей коммуникативных норм. Речевая манера автора «Письма...», рассчитанная на аудиторию молодых читателей и получившая одобрение с их стороны, смыкается с общими стилистическими тенденциями СМИ, прежде всего установкой на разговорность в разных ее проявлениях. Старшие носители языка в той или иной степени дистанцируются от этой манеры, отмечая как негативные качества текста речевую агрессию и нарушение этических норм.

Подготовлено при поддержке гранта РФФИ 18-412-550001 «Массовая речевая культура в Омском регионе как отражение коммуникативных норм, ценностных ориентиров и конфликтогенных факторов».

Список литературы

- Иссерс О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация. Новые дискурсивные практики / отв. ред. О. С. Иссерс. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 37–61.
- Гольдин В. Е., Сиротина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. 1993. № 25. С. 9–19.
- Сиротина О. Б. Реальное функционирование русского языка в его соотношении с типами речевой культуры // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Институт русского языка, литературы и журналистики при филол. факультете Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2005. С. 6–16.
- Костомаров В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
- Бубнова И. А., Подрезова Д. В. Прецедентное имя в индивидуальном языковом сознании как символ национально-культурных ценностей // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14, № 1. С. 5–13.
- Черняк В. Д. Интертекстуальный тезаурус и агнонимия // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 318–321.
- Шифрова Е. С. Возрастное измерение дискурса: самопрезентация пожилых // Молодежь третьего тысячелетия: сб. науч. ст. / отв. ред. С. В. Белим. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. С. 1530–1534.
- Орлова Н. В. Голосовые сообщения как источник сведений о коммуникативных нормах и ценностях // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3 (14). С. 57–66.
- Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 01.08.2019).

10. Щенникова Л. С. Дилетанизм как культурное явление // Вестн. Псковского гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2011. № 13. С. 12–14.
11. Орлова О. В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2012. 425 с.
12. Маленков А. Письмо главного редактора: «Розенталя мертв, а мы еще нет!». URL: https://www.maximonline.ru/longreads/edsletter/_article/october-2015/ (дата обращения: 05.04.2019).
13. Ромах О. В., Слепцова А. А. Потребительский сектор глянцевого журнала // Аналитика культурологии. 2009. № 2 (14). С. 155–169.
14. Резниченко И. Л. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение: ок. 25 000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2008. 1182 с.
15. Кормилицына М. А. Стилистическая контаминация в современном медиадискурсе (на материале печатных СМИ) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 23–37.
16. Бешкарев А. А. Нарушения журналистской профессиональной этики в региональной бесплатной печати (на примере газеты «Народная») // Вестник Сыктывкарского ун-та. Серия гуманитарных наук. 2014. Вып. 3. С. 55–63.
17. Клушина Н. И. Этические аспекты массовой коммуникации // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 1. С. 59–66. С. 59–66.

Орлова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55а, Омск, 644077). E-mail: nvorl@rambler.ru

Костина Вероника Анатольевна, аспирант, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55а, Омск, 644077). E-mail: veronika.kostina.94@mail.ru

Материал поступил в редакцию 14.08.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2020-2-103-110

TEXT OF THE AMATEUR VS HETEROGENEITY OF MASS SPEECH CULTURE

N. V Orlova, N. V Kostina

F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Introduction. The amateurish text is a notable phenomenon of modern mass (not elitist) speech culture. Factors that ensure the promotion of this type of text in the media include the priority of the hedonistic function to the detriment of the cognitive, as well as the interest of society in the public figure, which the media institute provides an opportunity to speak on issues not related to education and profession.

The aim of the article is to study the perception of an amateurish text (its content and form) by different groups of recipients. The research issues are aimed at identifying the heterogeneity of mass speech culture by comparing the estimated positions of different recipients of the same text.

Material and methods. As an example of amateurish text, the text of the chief editor of a glossy magazine is used, which emphasizes distance from specialists in the field of knowledge (philology) that he discusses. Based on the semantic-stylistic method, speech material obtained in a psycholinguistic experiment, that is, secondary reaction texts, is analyzed. Recipients are divided into three groups: non-specialists from 18 to 44 years old; non-specialists from 50 to 62 years old; students studying in the direction of “Philology”.

Results and discussion. It is established that the text broadcasts relatively reliable information (scientific and semi-scientific knowledge, a linguistic myth), contains factual errors. An experimental study of evaluative reactions to the text shows that the information transmitted by the text is uncritically accepted by a significant part of the recipients. Non-specialists regard the amateur as a social type depending on age: young participants in the experiment are more loyal to him than senior group recipients. Students who have mastered the problem under discussion in theory and practice speak out sharply negatively about amateur judgments. Assessment of the speech features of the text correlate with the assessment of content. The younger group approves of the humor, accessibility, “ease” with which the information is presented; the senior group notes in the text speech aggression, violation of ethical standards. Philologists in their assessments of the author’s speech style are closer to the older group, that is, more conservative than their peers.

Conclusion. Evaluative reactions to one of the varieties of modern mass culture – the amateurish text – allow us to talk about the heterogeneity of this culture, namely the existence of an older and younger communicative norm. The positions of the younger norm in mass speech culture are stronger. This conclusion is based on the fact that the speech features of the source text, which received approval from the younger group recipients, and disapproval of the senior recipients, are considered in modern style as the most striking features of the press as a whole.

Keywords: *mass speech culture, amateur text, text perception, text assessment, junior communicative norm, senior communicative norm.*

References

1. Issers O. S. Diskursivnaya praktika: k opredeleniyu ponyatiya [Discursive practice: to the definition of a concept]. In: *Sovremennaya rechevaya kommunikatsiya. Novye diskursivnye praktiki* [Modern speech communication. New discursive practices]. Omsk, OmSU Publ., 2011. Pp. 37–61 (in Russian).
2. Gol'din V. E., Sirotinina O. B. Vnutrinsional'nye rechevye kul'tury i ikh vzaimodeystviye [Intra-national speech cultures and their interaction]. *Voprosy stilistiki*, 1993, no. 25, pp. 9–19 (in Russian).
3. Sirotinina O. B. [The real functioning of the Russian language in its correlation with the types of speech culture]. In: *Problemy rechevoy kommunikatsii: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Issues of speech communication: interuniversity collection of scientific papers]. Saratov, Institute of Russian Language, Literature and Journalism at the Faculty of Philology of Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky Publ., 2005. Pp. 6–16 (in Russian).
4. Kostomarov V. G. *Nash yazyk v deystvii: ocherki sovremennoy russkoy stilistiki* [Our language in action: essays on contemporary Russian stylistics]. Moscow, Gardariki Publ., 2005. 287 p. (in Russian).
5. Bubnova I. A., Podrezova D. V. Pretsedentnoye imya v individual'nom yazykovom soznanii kak simvol natsional'no-kul'turnykh tsennostey [The case name in individual linguistic consciousness as a symbol of national and cultural values]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika – South Ural State University Bulletin. Series: Linguistics*, 2017, issue 14, no. 1, pp. 5–13 (in Russian).
6. Chernyak V. D. Intertekstual'nyy tezaurus i agnometriya [Intertextual thesaurus and agnomymy]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2017, no. 30, pp. 318–321 (in Russian).
7. Shifrova E. S. Vozrastnoye izmereniye diskursa: samoprezentatsiya pozhiylykh [The age-related dimension of discourse: self-presentation of the elderly]. *Molodyozh' tret'ego tysyacheletiya: sbornik nauchnykh statey* [Youth of the third millennium: collection of scientific articles]. Omsk, OmSU Publ., 2018, pp. 1530–1534 (in Russian).
8. Orlova N. V. Golosovye soobshcheniya kak istochnik svedeniy o kommunikativnykh normakh i tsennostyakh [Voice messages as a source of information about communicative norms and values]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*, 2018, no. 3 (14), pp. 57–66 (in Russian).
9. Kuznetsov S. A. (ed.) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The large explanatory dictionary of the Russian language]. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (accessed 1 August 2019).
10. Shchennikova L. S. Diletantizm kak kul'turnoye yavleniye [Dilettanism as a cultural phenomenon]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye i psikhologo-pedagogicheskiye nauki*, 2011, no. 13, pp. 12–14 (in Russian).
11. Orlova O. V. *Diskursivno-stilisticheskaya evolyutsiya mediakontsepta: zhiznennyy tsikl i miromodeliruyushchiy potentsial*. Dis. dokt. filol. nauk [The discursive-stylistic evolution of media concept: life cycle and world-modeling potential. Diss. doct. philol. sci.]. Tomsk, 2012. 425 p. (in Russian).
12. Malenkov A. Pis'mo glavnogo redaktora: "Rozenal' mertv, a my eshche net!" [Letter from the editor-in-chief: "Rosenthal is dead, but we are not yet!"] (in Russian). URL: https://www.maximonline.ru/longreads/edsletter/_article/october-2015/ (accessed 5 April 2019).
13. Romakh O. V., Sleptsova A. A. Potrebitel'skiy sektor glyantsevoogo zhurnala [Consumer sector of a glossy magazine]. *Analitika kul'turologii*, 2009, no. 2 (14), pp. 155–169 (in Russian).
14. Reznichenko I. L. *Orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka. Proiznosheniye. Udareniye: ok. 25 000 slov* [Orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation. Accent: approx. 25,000 words]. Moscow, Astrel: AST Publ., 2008. 1182 p. (in Russian).
15. Kormilitsyna M. A. Stilisticheskaya kontaminatsiya v sovremennoy mediadiskurse (na materiale pechatnykh SMI) [Stylistic contamination in modern media discourse (based on print media)]. *Problemy rechevoy kommunikatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 15* [Issues of verbal communication: interuniversity collection of scientific papers. Vol. 15]. Saratov, SSU Publ., 2015. Pp. 23–37 (in Russian).
16. Beshkarev A. A. Narusheniya zhurnalistskoy professional'noy etiki v regional'noy besplatnoy pechati (na primere gazety "Narodnaya") [Violations of journalistic professional ethics in the regional free press (for example, the newspaper Narodnaya)]. *Vestnik Syktyvskarskogo universiteta. Seriya humanitarnykh nauk – The Bulletin of Syktyvkar University. Series of Humanities*, 2014, issue 33, pp. 55–63 (in Russian).
17. Klushina N. I. Eticheskiye aspekty massovoy kommunikatsii [Ethical aspects of mass communication]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*, 2014, no. 1, pp. 59–66 (in Russian).

Orlova N. V. F. M. Dostoevsky Omsk State University (pr. Mira, 55a, Omsk, Russian Federation, 644077).
E-mail: nvorl@rambler.ru

Kostina V. A. F. M. Dostoevsky Omsk State University (pr. Mira, 55a, Omsk, Russian Federation, 644077).
E-mail: veronika.kostina.94@mail.ru